

В.С. Автономов

д.э.н, член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва)

УИЛЬЯМ СТЕНЛИ ДЖЕВОНС — НЕ САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ ОСНОВОПОЛОЖНИК МАРЖИНАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Из троих основоположников маржиналистской революции, 150-летний юбилей которой мы отмечаем в 2021 г., У.С. Джевонс меньше всех переведён на русский и известен в России. Статья посвящена краткому обзору творчества этого самого революционного по духу протагониста маржинализма и задумана как предисловие к русскому переводу «Теории политической экономии» и «Учебника политической экономии» Джевонса, который готовится к выходу в издательстве «Социум». Метод Джевонса характеризуется как физиолого-математический, берущий начало от английского утилитаризма и английской математической школы, основанной на механических аналогиях. Упоминается вклад Джевонса как первого историка экономического анализа. Автор пытается объяснить причины недостаточной известности Джевонса в России и делает вывод, что главная из них заключается в отрицательном отношении к утилитаризму в русской общественной мысли. В заключение рассматривается написанный Джевонсом вводный учебник экономики и его соотношение с экономической теорией этого автора.

Ключевые слова: Уильям Стенли Джевонс, маржиналистская революция, математические методы в экономике, русская экономическая мысль.

JEL: B13, B16.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_88_94.

Ровно полтора века назад мир экономической науки огласился первыми залпами маржиналистской революции. В 1871 г. без всякого предварительного согласования «Аврора» выстрелила на Дунае («Основания» Менгера) и Темзе («Теория» Джевонса), а в 1874 г. — доплыла и до Женевского озера («Элементы» Вальраса). Так называемая маржиналистская революция — может быть, самая увлекательная тема в истории экономической науки. Ещё бы: наука меняет метод, предмет и даже имя, и всё это происходит вроде бы в течение каких-то трех лет — 1871–1874 гг.! Правда, проницательный взгляд обнаруживает более сложную картину. Во-первых, глас предтеч маржинализма «раздавался в пустыне» ещё в 1830–1850-е гг. У троих «революционеров» — К. Менгера, У.С. Джевонса и Л. Вальраса — было несколько предшественников в разных странах. И если одни из них — Ж. Дююи, И. Тюнен и пр. — разрабатывали по какому-то ограниченному аспекту маржиналистского анализа, то Г.Г. Госсен в 1854 г. изложил теорию предельной полезности практически в готовом виде. Следовательно, опыт маржиналистской революции учит нас скорее тому, что ценные идеи несколько раз возникают и отвергаются (а чаще просто не замечаются) в истории экономической науки, пока не складываются условия для их восприятия.

Во-вторых, что-то похожее на революционное низвержение прежней теории и воцарение новой наблюдалось, пожалуй, только в Англии, где Джевонс, в силу особенностей своего характера, действительно чувствовал себя ниспровергателем основ (их в данном случае олицетворял Дж.С. Милль). Во франкоязычных научных кругах связь ценности благ с их редкостью никогда не уходила от внимания исследователей, в частности, отца Леона Вальраса — Огюста, так что революционность Вальраса-сына в глаза не бросалась. А в немецкоязычном сообществе, для которого писал Менгер (посвящение «Оснований учения о народном хозяйстве» В. Рошеру позволяет утверждать, что аудитория Менгера не ограничивалась Австрией), произошла даже некоторая контрреволюция. В Германии дело закончилось победой исторической школы и изгнанием маржиналистов из немецких университетов.

В-третьих, окончательной победы революции пришлось ждать не меньше, чем ещё лет двадцать. Даже в тех странах, где маржиналистская революция победила, это произошло только в 1890-е годы усилиями второго поколения маржиналистов (А. Маршалла, Е. Бём-Баверка, Ф. Визера, В. Парето).

Таким образом, даже если рассматривать только временной аспект, маржиналистская революция предстает перед нами как своего рода оптический обман, присущий нашему времени: как только мы наводим на события XIX в. достаточно мощную подзорную трубу, революция размывается, превращаясь в длительный, прерывистый процесс с длительными паузами и даже моментами возвратного движения. Действительно, мы можем скорее говорить о «постепенном трансформировании старых идей» [Блауг, 1994. С. 287]. Это впечатление оптического обмана ещё усиливается, если навести наш прибор на различия между самими тремя богатырями-основоположниками.

Согласно М. Блаугу можно говорить скорее о трех «смежных» революциях: «революции предельной полезности в Англии и Америке, субъективистской революции в Австрии и революции общего равновесия в Швейцарии и Италии» [Блауг, 1994. С. 288]. Здесь отражается прежде всего различие духовных традиций: английской, эмпиристско-утилитаристской, восходящей к Ф. Бэкону; французской, картезианской, для которой критерий истинности идей — ясность и отчетливость, а такие идеи естественно связывать математически; и аристотелианско-схоластической в немецкоязычных странах, в которой исследователь имеет дело с сущностями и явлениями и причинно-следственными связями между ними.

У.С. Джевонс был самым многосторонним деятелем маржиналистской революции. Помимо достижений в области экономической теории, он внес весомый вклад в экономическую статистику, предложив первый индекс цен, опубликовал обширный трактат по логике, получил первую известность как прикладной экономист статьями о рынках угля и золота. Начинал он исследованиями по метеорологии, из которых выросла его теория экономических циклов, основанная на колебаниях солнечной активности. В центре нашего внимания будут находиться его главный трактат в области экономической теории и вводный учебник политической экономии.

Как уже упоминалось, среди отцов-основателей маржинализма Джевонс был единственным революционером по духу. В письме брату Герберту в 1860 г. он пишет: «В последние несколько месяцев мне повезло изобрести правильную теорию экономики, настолько основательную и последовательную, что я теперь не могу без отвращения читать другие книги по этому вопросу» [Keynes, 1936. P. 531]. Не случайно свою главную книгу он назвал «The Theory of Political Economy». В этом названии важны два момента. Во-первых, оно означает, что раньше политическая экономия теоретической в полном смысле слова не была. А во-вторых, определенный артикль говорит, что такая теория может быть только одна, а именно та, которую предлагает Джевонс. Заключительную главу своей «Теории политической экономии» он посвятил полемике против вредного влияния авторитетов, под которыми имелись в виду, в первую очередь, Дж.С.Милль и Дж.Кэрнс, а также, отчасти,

Д.Рикардо. Господствующая ко времени написания «Теории» Дживонса классическая школа политической экономии не видела перспектив в использовании в данной науке эмпирических и, в частности, математических методов. Дж.С.Милль строго отделял общественную науку политическую экономию от наук естественных. Он считал индукцию в данном случае невозможной и полагался на дедукцию из априорных предпосылок, доступных нам благодаря интроспекции. Милль не верил в эмпирические исследования в экономике из-за искажающих влияний внешних факторов. Напротив, Дживонс между науками о материи и науками о сознании не видел принципиальной разницы¹. Он полагал, что искажающие влияния — это ошибки измерения, которые в среднем выравниваются [Peart, 1996]. Но это не должно мешать эмпирическим исследованиям. Экономические законы согласно Дживонсу относятся не к индивидам, а к средним величинам. Поэтому в разделе «Теории», посвящённом обмену, он пишет не об индивидах, а о торгующих сторонах (trading bodies). Он полагал, что его теория верна и для индивидов, но данные о них пока получить невозможно [Jevons, 1879. P.86]. Такой подход привел Дживонса к внутреннему противоречию: применительно к «торгующим сторонам» трудно говорить о каких-либо страданиях и наслаждениях.

Новый исследовательский канон Дживонса в экономической науке можно назвать физиолого-математическим. Его основу составляли теория ценности, основанная на полезности и редкости и оснащенная дифференциальным исчислением. Собственно математиком Дживонс, в отличие от О.Курно и Л.Вальраса², не был. Он был естествоиспытателем с математическим уклоном (химиком, метеорологом и т.д.) и считал, что естественные науки и их математические методы исследования — ключ к решению всех без исключения проблем, стоящих перед человеческим разумом, причем в каждом случае требуется своя математика. Математика «Теории политической экономии» ближе к механике, что характерно для британских математиков XIX в. [Maas, 2005. P. 12]. Многих современных читателей, особенно математиков, удивляет знаменитая диаграмма Дживонса, посвященная теории обмена, где вдоль одной оси, но в противоположных направлениях откладываются количества благ первого и второго участников обмена. Но если мы представим себе, что эта диаграмма изображает рычажные весы, уравновешивающие степени полезности двух благ, картинка станет гораздо понятнее!

Под полноценной математической экономической теорией Дживонс понимал нечто, напоминающее программу будущего Эконометрического общества, объединяющее анализ теоретических функций и эмпирических данных. Там, где были доступны данные, например, о солнечной активности, урожаях и экономической активности, можно было перейти к графикам временных рядов, как в концепции экономических циклов, изложенной в записке Дживонса 1862 г., зачитанной в Королевской статистической ассоциации. Кстати, именно эта возможность дала козырь в руки противникам Дживонса, которые сделали вывод, что имеющиеся данные не подтверждают связь между солнечными вспышками и экономическими циклами. Поэтому в «Теорию политической экономии» эта теория так и не попала. Там же, где полных данных не было, например в теории ценности и обмена, Дживонс ограничивался гипотезами о виде функций, связывающих наблюдаемые и ненаблюдаемые переменные (ценность и полезность), а окончательная математическая теория «откладывалась на завтра». Но Дживонс явно надеялся на то, что в будущем наблюде-

¹ Более того, он логически анализировал и собственный внутренний мир. Возможно, заняться общественными науками Дживонса побудил анализ собственных чувств, которые возникли у него по получении известия о смерти отца. В дальнейшем он предпринял и попытку исследовать пользу от занятий музыкой, которую любил всю жизнь. Бескомпромиссным самоанализом Дживонс отчасти напоминал Льва Толстого, который, конечно, в этой области был далек от каких-либо математических приемов.

² Считается, что Вальрас был плохим математиком, его обозначения были неуклюжими, но мыслил он всё равно как математик.

ния и эксперименты в области физиологии (подобные закону Вебера-Фехнера, работам Дженнинга, собственным изысканиям Джевонса в области соотношения между работой и мускульной усталостью) помогут эмпирически выяснить форму соответствующих экономических функций. Получается, что по степени готовности к математизации теории труда и издержек Джевонса превосходит теорию ценности и полезности, поскольку в последнем случае нам пока недоступны измерения. В целом самая знаменитая монография Джевонса — это пока ещё не задуманная им математическая теория экономики, а, скорее, её обещание.

Будучи историком экономической науки, не могу не обратить особое внимание на предисловие Джевонса ко второму изданию «Теории», которое, вероятно, можно назвать первой историей экономического анализа, написанной задолго до Й.Шумпетера. Опираясь преимущественно на французских авторов, итальянцев, немногих англичан, а, главное, открытого им Госсена (писавшего на неподвластном Джевонсу немецком языке), он описал вклад своих предшественников в использование математических методов в экономике и в теорию полезности. На пересечении этих двух множеств как раз и находились немногие истинные предшественники Джевонса (Дюпюи, Госсен), которым он честно отдал должное.

Не вдаваясь в подробную характеристику этапов жизненного пути и творческой биографии Джевонса, а также содержания его главного труда по экономической теории, ограничусь краткими заметками, относящимися к восприятию маржинализма, и конкретно Джевонса, в нашей стране.

В России судьба маржинализма была непростой. Экономист в России должен был быть больше, чем просто экономистом, он обязан был иметь мнение по острым общественным проблемам — и прежде всего о возможности или невозможности развития капитализма в России. Новшества маржиналистов казались русским экономистам слишком техничными, в лучшем случае с их помощью можно было поддержать социалистические идеи, как это делал М.И.Туган-Барановский [Макашева, 2009]. При этом из трех корифеев маржиналистской революции меньше всего внимания досталось именно Джевонсу. Можно сказать, что нематематическая часть русских экономистов (среди них М.И. Туган-Барановский и П.Б. Струве) с наибольшим интересом восприняла идеи австрийской школы — об этом свидетельствуют издания русских переводов книг К.Менгера и Е.Бём-Баверка. Немногочисленным русским матэкономистам (В.К. Дмитриев, Н.Н. Шапошников, Е.Е.Слущкий) ближе всего были идеи Л. Вальраса (который к тому же был в чем-то социалистом) и В.Парето, хотя до русских переводов их трактатов на русский язык дело дошло лишь совсем недавно [Вальрас, 2000; Парето, 2018].

Русский же перевод «Теории политической экономии» Джевонса выходит в свет только сейчас. В чем причина? Думается, что она состоит в отрицательном отношении русских экономистов к утилитаризму. В стране крайностей, где целая группа обществоведов, в том числе экономистов, перешла от марксизма прямо к религиозному мистицизму, учение, ставившее во главу угла «презренную пользу», видимо, казалось недопустимо плоским. К русским нигилистам, «ставившим сапоги выше Шекспира», по крылатому выражению Федора Достоевского, это тоже относится: их отрицание идеалов носило не спокойно-прагматический, а революционно-нигилистический характер, было рассчитано на эпатирование публики. Русским читателям, действительно, скорее могли быть вняты «острый галльский смысл и сумрачный германский гений», но никак не деятельная и рассудочная устремленность к всеобщему благу, свойственная многим английским мыслителям³.

³ Похожее отношение к утилитаризму характерно не только для людей православной культуры, но и для получившего католическое воспитание Шумпетера. Здесь уместно будет вспомнить, что семья Джевонса принадлежала к унитариям — склонному к свободомыслию и терпимости направлению протестантизма, для которого характерно убеждение, что разум, а не вера, является определяющим в поиске истины, а также активная благотворительная деятельность и поддержка социальных реформ.

Мы собираемся предложить читателю первый русский перевод «Теории политической экономии» Джевонса, данный по её четвертому изданию. Русский читатель сможет, наконец, сам оценить книгу, которую Джон Мейнард Кейнс назвал первой современной книгой по политической экономии и которая стала для него стимулом, чтобы самому заняться этим предметом.

В наше издание помимо «Теории политической экономии» включён и учебник политической экономии У.С.Джевонса (издан в 1878 г.), переведенный на русский уже в дореволюционное время. В последние годы жизни Джевонс увлекся написанием популярных текстов по разным наукам (кроме политэкономии, туда входила и логика). Это уже совершенно другой жанр. Мы привыкли считать, что первым учебником вводного уровня по экономической науке стала «Экономика» П. Самуэльсона, первое издание которой вышло в 1948 г. Строго говоря, это действительно так, потому что текст Самуэльсона включал вопросы, задания, словом то, что называется «методическим шлейфом». У Джевонса ничего этого нет. Но по уровню изложения, в котором нет обсуждения теоретических вопросов, это настоящий вводный учебник. Анализировать его отдельно вряд ли имеет смысл. Интереснее сопоставить его с текстом «Теории». И тогда мы увидим, что методологические вопросы и проблемы техники анализа в учебнике отсутствуют. Крайне лаконично представлен подраздел про ценность в главе «Обмен», из которого у внимательного читателя может создаться впечатление, что ценность определяется полезностью и редкостью, но невнимательный может просто проскочить этот параграф, а такие понятия, как последняя степень полезности, здесь просто не упоминаются. В «Теории» же это главная часть. Но есть и противоположные примеры. Такова глава про капитал, где Джевонс достаточно развернуто излагает свою оригинальную концепцию капитала как потребительских благ, потребление которых собственником откладывается до конца производственного процесса.

В связи с учебником хотелось бы остановиться на социально-политических взглядах Джевонса, особенно на вопросе о рабочем движении и профсоюзах. В поздне-викторианской Англии и особенно среди английских экономистов этот вопрос являлся центральным. Мы знаем, что на Джевонса значительное влияние оказала критика, которой У. Торнтон подверг в 1867 г. классическую (в миллевской версии) теорию фонда заработной платы. Критика Торнтон и развернувшаяся в связи с ней дискуссия имели политический контекст. Если фонд заработной платы в экономике был зафиксирован, это лишало смысла борьбу профсоюзов за увеличение зарплаты.

Весьма развернут и соответствующий раздел учебника Джевонса. Интересно, что автор русского предисловия к учебнику (1905 г.) считает нужным «извиниться» за «манчестерство» Джевонса в рабочем вопросе и его скептическую оценку деятельности профсоюзов. Понятно, что в эпоху первой русской революции такая позиция должна была казаться реакционной. Но если внимательно вникнуть в то многое, что писал Джевонс об отношениях труда и капитала и государственной политике в этой области, становится ясным, что с «манчестерством», то есть последовательным отстаиванием принципа свободы торговли во всех случаях, его объединяло разве что проживание и работа в славном городе Манчестере. Его позиция максимально далека от каких-либо идеологических пристрастий [Samuels, 2017. P. VIII].

Джевонс предостерегает от безоглядного следования принципам, даже таким, как «свобода» и «собственность». В области, где действуют группы людей с разными интересами, необходимо быть максимально конкретным и объективным. «Все классы общества являются тред-юнионистами в душе и различаются только энергией, изобретательностью и секретностью с которыми они продвигают свои интересы» [Jevons, 2017. P. XXVI]. Законодатель, вмешательству которого Джевонс не видит объективных пределов, должен как-то максимизировать две неуловимые переменные: свободу действий и наибольшее счастье, а для этого предлагать набор институтов [Jevons, 2017. P.14]. Здесь мы видим, что

Джевонс был последователем и продолжателем И.Бентама не только в вопросе об измерении страданий и наслаждений, который раскрывается в «Теории политической экономии»: «Каждое действие должно оцениваться в отдельности согласно соотношению добра и зла, которые оно порождает» [Jevons, 2017. Р. XIII].

Обращает на себя внимание и глава про циклические колебания экономики, которая называется «Круговорот кредита», но включает в себя излюбленную автором тему колебаний солнечной активности и урожаев и их экономических последствий. Здесь Джевонс выражается более осторожно, чем в упомянутой записке 1862 г., не настаивая на строгой периодичности колебаний, но заметно, что он, подобно Галилею, внутренне убежден, что «всё-таки она вертится».

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии. — М.: Изограф.
- Макашева Н.А. (2009). Как маржинализм приходил в Россию? Два эпизода из истории // Terra Economicus. № 3. С. 29–41.
- Парето В. (2018). Учебник политической экономии: пер. с фр. / В. Парето; предисл. В. С. Автономова. 2-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА-М.
- Jevons W.S. (1879) The Theory of Political Economy — London: Macmillan.
- Jevons W.S. (2017). The State in its Relation to Labour — London; New York: Routledge.
- Keynes J.M. (1936). William Stanley Jevons 1835–1882: A Centenary Allocution on his Life and Work as Economist and Statistician// Journal of the Royal Statistical Society . Vol. 99. No. 3. Pp. 516–555.
- Maas H. (2005). William Stanley Jevons and the Making of Modern Economics. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Peart S.J. (1996). The Economics of W.S. Jevons. — London; New York: Routledge.
- Samuels W. (2017). Introduction to the Transaction Edition // Jevons W.S. The State in its Relation to Labour. — London; New York: Routledge.

Автономов Владимир Сергеевич

vavtonomov@hse.ru

Vladimir Avtonomov

Doctor habilitis in economics, Corresponding Member RAS, professor of National Research University «Higher School of Economics»; Department head, the Institute of World Economy and International Relations. Primakov of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

vavtonomov@hse.ru

WILLIAM STANLEY JEVONS IS NOT THE MOST FAMOUS FOUNDER OF THE MARGINALIST REVOLUTION

Abstract. William Stanley Jevons is known in Russia less than other three founders of the Marginalist revolution the 150 anniversary we are celebrating in 2021. The article gives a short introduction to the works of the most revolutionary protagonist of the Marginalist revolution and is conceived as a preface to the Russian translation of Jevons's "Theory of Political Economy" and "Primer of Political Economy" which is going to be published by Socium Publishers in 2021. Jevons's method I characterized as a physiologo-mathematical one basing on English Utilitarianism and English mathematical school using mechanical analogies. Jevon's role as the first historian of economic analysis is also mentioned. The author tries to explain the reasons of a relatively weak reception of Jevons on Russia and concludes that the most important of them is the negative attitude of Russian social thought towards the Utilitarianism. In concluding section Jevons's introductory textbook of political economy is described as well as its relations to economic theory of this author.

Keywords: *William Stanley Jevons, Marginalist revolution, mathematical methods in economics, Russian economic thought.*

JEL: B13, B16.

REFERENCES

- Blaug M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economics in Retrospect]. — Moscow: Delo (In Russ.).
- Jevons W.S. (1879) *The Theory of Political Economy*. 2 ed — London: Macmillan.
- Jevons W.S. (2017). *The State in its Relation to Labour* — London. New York: Routledge.
- Keynes J.M. (1936). William Stanley Jevons 1835–1882: A Centenary Allocution on his Life and Work as Economist and Statistician // *Journal of the Royal Statistical Society*. Vol. 99. No. 3. Pp. 516–555.
- Maas H. (2005). *William Stanley Jevons and the Making of Modern Economics* — Cambridge: Cambridge University Press.
- Makasheva N.A. (2009). Kak marzhinalizm prikhodil v Rossiyu? Dva epizoda iz istorii [How Marginalism Came to Russia? Two historical episodes] // *Terra Economicus*. No. 3. Pp. 29–41. (In Russ.).
- Pareto V. (2018). *Uchebnik politicheskoy ekonomii* [Manuel d'économie politique]. — Moscow: RIOR: INFRA-M. (In Russ.).
- Peart S.J. (1996). *The Economics of W.S. Jevons* — London; New York: Routledge.
- Samuels W. (2017). Introduction to the Transaction Edition // Jevons W.S. *The State in its Relation to Labour*. — London; New York: Routledge.
- Walras L. (2000). *Elementy chistoy politicheskoy ekonomii* [Éléments d'économie politique pure — Moscow: Isograf (In Russian).